

С двумя идиотками, отчего-то забывшими как говорить в моём присутствии, пришлось повозиться – ну не могли они связать все случайные слова, вываливающиеся у них изо рта, в стройный текст, четко отвечавший на три главных вопроса: «когда», «где» и «куда». Но, всё же мои дипломатические навыки (вкуче с тщательно развиваемым мной умением «смотреть матом»), смогли, едва ли не клещами, вытащить нужную мне информацию. Дальше было проще.

Спустившись на первый этаж и найдя в толпе Гарри и «ко», я быстро обрисовал ситуацию младшему Озборну словами: «Петра возможно в беде, я пошёл. Если не вернусь до полуночи, вот тебе номер, позвонишь, и отправишь Фелицию домой с ними. Отвечаешь головой» и надавил более щадящей версией дедовского взгляда, от которого Гарри быстро-быстро закивал, лишь спросив, нужна ли его помощь. Вот люблю я этого парня – балагур и повеса, но в нужные моменты становится серьёзным и готовым помочь другом. Сестра хотела что-то там мне сказать, но время и так уже поджимало, так что я, быстро кинув, что сейчас не время, удалился ко входу, откуда уже спустился на лифте вниз.

И вот тут-то я понял, что план мой – хуйня, а тактик из меня так себе. Ну не привык я думалкой думать, я в неё обычно ем, а сложные планы – не мой конёк. Мой конёк – это пойти напролом, сверкая своей лысой черепушкой и выкрикивая боевой клич зеленокожих грибов, почему-то именуемых орками. Ну, тот, где «Ваааргх!» и «Мая тибя стукать, пока твая не умереть!». Да... А головой думать не моё. Совсем. Вот и в этот раз, выбежать-то на улицу, я выбежал, весь такой преисполненный желанием «стукать», а о том, где искать искомые цели для сего священного действия, как и спасаемую-почти-даму-в-беде, не подумал. Ладно, Хэ с ним, с лысым черепом и боевым кличем, надо бы всё же включать мозги, доставшиеся в наследство от Сеньки, а то обшаривать весь Нью-Йорк мне вот вообще не с руки.

— Итак, что мы имеем... — остановившись у входа в здание, собирая на себе различные взгляды прохожих, до которых мне не было дело, я начал думать.

Нью-Йорк город большой. Да что там – огромный. Но, как и в любом большом городе, в нём есть метро. От Куинса сюда, до Центрального парка, что на Манхэттене, примерно... Ну километров двенадцать, не меньше, значит поездку на автобусе точно отменяем, как и такси – дорого и долго. Значит метро. Если предположить, что Петра отправилась сюда из дома, то, скорее всего, добиралась она до сюда на фиолетовой ветке метро, как той единственной, что идёт через Куинс прямёхонько сюда. А значит мне нужно узнать, где ближайшая станция метро с этой веткой. Ну вот, могу же когда захочу!

Достав смартфон, я открыл приложения карт. Хвала прогрессу, что сейчас на дворе две тысячи девятый – уже есть онлайн-карты и скоростной мобильный интернет, иначе бегать бы мне сейчас и спрашивать у прохожих, где тут нужная станция метро. Карты, загрузившись и «вдуплив», чего я, такой классный, от них хочу, выдали результат: сорок девятая улица. Я же находился на пересечении шестой и пятьдесят седьмой. Карты показывали расстояние в целый

километр, что было плохо. Где именно её могли перехватить было не совсем ясно. Я, конечно, надеялся, что её вообще не перехватывали и всё это лишь моя больная фантазия шалить изволит, но чуйка упорно твердила о чём-то не очень хорошем, так что, как говорится, надемся на лучшее, но готовимся к худшему.

Дома мелькали пока я бежал, останавливаясь на пару десятков секунд, используя то единственное, на что у меня сейчас хватало сил – резонанс Ци. Тот самый, с помощью которого я, погружаясь в глубокий транс, пытался найти куда девается энергия. Ци, она как отпечаток пальца – у каждого человека индивидуальна. Сейчас я не погружался «на глубину», мне не нужно было сосредотачиваться на течении Ци – лишь почувствовать отголоски. Конечно, подобное дано не каждому, но и я не каждый, а, между прочим, вышедший на уровень, о котором мало кто вообще знал. И пусть это в прошлом, но память как правильно чувствовать Ци у меня осталась. И пусть давалось мне это трудно, но вариант искать иголку в стоге сена, где иголкой была Паркер, а стогом – Нью-Йорк, был ещё хуже. Так хоть у меня был слабенький, но «металлодетектор». Единственное хреновое, так это то, что Ци в обычных людях сущие крохи, что существенно затрудняло дело и приходилось «пеленговать» чаще.

Всё это время злость продолжала зреть внутри меня, подпитываемая мыслями и фактом неизвестности, так что, когда я уловил знакомый отклик, который успел хорошо запомнить за десять лет, я уже был на взводе... Особенно когда «увидел» как отголоски Ци закручиваются внутри одного из тел, стягиваясь к определённым местам, словно пытаюсь сгладить ущерб.

* * *

Этот день для Петры Паркер начался так же, как и многие другие – она проспала. Проспала, зачитавшись до поздней ночи. Нет, не новой научной статьёй, а... Любовным романом. Кто бы знал, что «четырёхглазая заучка», отличница и одна из самых перспективных учениц Мидтаунской старшей школы, окажется яркой любительницей любовных романов. Об этом знала лишь тётя Мэй, которая как-то раз застала её в самый неподходящий момент, когда Леонард, возлюбленный главной героини, признался той в любви и они занялись... этим самым на его рабочем столе, когда тот, резко смахнув с его поверхности бумаги, грубо схватил Анжелику, главную героиню, и глядя ей в глаза своими, в которых плескалась глубокая страсть, преданность и нетерпение, уставшего от нерешительности юной девы, мужчины. Жесткого с врагами, мягкого с любимой, надёжный и сильный наследник древнейшего и благороднейшего рода Грейсонов, выбравшего из тысячи кандидаток её, простую девушку из самой обычной семьи, пришедшей к нему взять интервью, в итоге получившая предложение стать его личным секретарём. Серая мышка, упорно трудившаяся ради будущего, строя прочный фундамент, пока другие развлекались, она получила клеймо вечной девственницы, из-за чего часто слышала гаденькое хихиканье за спиной, к которому успела уже привыкнуть. Но кто смеётся теперь, а? Анжелика встретила Леонарда случайно – её единственная подруга попросила заменить себя на интервью, поскольку, банально заболела. Но отменять интервью, ради которого целый год уговаривала этого мужчину, не представлялось возможным – время богатый людей стоит очень дорого, особенно таких, как Грейсоны. Судьба или простое стечение обстоятельств? Анжелика не знала, но именно эта встреча положила начало новому, самому счастливому витку, в её жизни. И в тот момент, когда бурлящая страсть на страницах книги, всецело приковала внимание юной девушки. Когда кульминация была близка, а

Леонард, в порыве страсти сорвавший с Анжелики одежду, нежно и напористо покрывал её тело поцелуями, неумолимо продвигаясь вверх от груди к ключицам, даря обжигающие поцелуи, распалюющие страсть в двух сердцах: одно на страницах, другое вне их... Когда жаркие уста Грейсона замерли над слегка припухшими и приоткрытыми в ожидании заветных слов, Анжелики... Когда, перевернув страницу, Петра прочитала заветную строчку:

«Губы Грейсона прошептали столь вожделенные три слова: "Я люблю тебя"»

Сзади Петры раздалось деликатное покашливание, от которого девушка подпрыгнула едва ли не до потолка, а сердце, громко и часто стучавшее от напора страстей, продолжило отбивать ритм на зависть любому барабанщику металл группы, но уже от испуга.

— А что это мы тут читаем? — с хитрой улыбкой тогда спросила тётя Мэй, разглядывая часть обложки, торчащей из-за спины всполошенной племянницы, похожей больше на помидор по своему окрасу, чем на человека.

Парочка наводящих вопросов, несколько догадок, озвученных в слух и Петра, полностью капитулируя и стыдливо опустив глаза в пол, протягивает книгу женщине. Та же, повертев её в руках, одобрительно кивнула, прочитав название и, подмигнув, сказала по секрету, что сама прочитала эту книгу месяц назад и... довольна выбором Петры. После чего хитро улыбнувшись, начала намекать на схожесть Петры и героини одного романа...

С тех пор прошло уже больше двух лет, а пристрастия Петры, если и изменились, то ненамного. Да, она по-прежнему могла и любила читать новые научные статьи и публикации именитых учёных до поздней ночи, но помимо них, девочка с не меньшим удовольствием зачитывалась различными романами, где, по странному стечению обстоятельств, фигурировал один и тот же архетип: бедная девушка-серая мышка и красавец мужчина. Влиятельный, гордый, богатый и влюблённый в неё до безумия.

Петра не была глупой. Может немного наивной, но не глупой, так что прекрасно понимала, с чем связаны такие её предпочтения, но отчаянно не хотела делиться выводами ни с кем. Даже с тётей, которая, девушка не сомневалась, уже прекрасно всё поняла сама.

Том Харди, мальчик, ворвавшийся в её жизнь подобно урагану, стал лучиком света в её сером царстве. Первый друг... И её первая любовь. Они встретились случайно. Петра даже не предполагала, что сможет его заинтересовать хотя бы как подруга, чего уж там говорить о девушке. Она в это просто не верила. Думала, что пройдет неделя, ну может месяц, и он забудет о ней, разочаровавшись или устав. Но прошла неделя, затем месяц, потом ещё и начался её первый учебный год. Каково же было удивление девочки, когда они оказались не просто в одной школе, а в одном классе! Радости Паркер не было предела и, как ей иногда казалось, его тоже. Но ведь этого же не может быть, где он и где она? Они совершенно из разных миров: Том – наследник Харди Корпорэйшн, сын самой Анастасии Харди, главы многомиллиардной корпорации по разработке и добыче драгоценных металлов, а она... Просто Петра Паркер, обычная девочка, живущая с дядей и тётей и поступившая в элитную школу благодаря старанию. Они априори не должны были пересечься, но у жизни оказались свои планы. Том и Петра подружились. Девочка не верила, но всё говорило об этом. Они часто

общались, разговаривали на всевозможные темы... Тому хотелось довериться, хотелось рассказать, поделиться тем, что гложет. Он словно излучал тепло одним своим присутствием, разгоняя серые тучи её мира. Но чем больше Петра открывалась, тем больше был страх, что он предаст. Что это всё маска и ещё чуть-чуть и ему надоест, он снимет её и будет смеяться, сделав больно, ударив в самое сердце юной девочки, решившей впервые за долгое время впустить кого-то внутрь. Она понимала это, боялась, но словно мотылёк, летящий во тьме на яркий свет, продолжала открывать своё сердце, понимая, что может не просто обжечься, а сгореть в этом огне дотла. Но Том не оправдал её потаённых страхов. Шли годы, а их дружба лишь крепчала. Том доверял ей, как она доверяла ему...

К сожалению, не всё было гладко. Джина Томпсон, та самая, из подготовительной школы, тоже оказалась с ними в одном классе. О-о, она не забыла о ней, о том, как та портила жизнь своими выходками. Петра надеялась, что всё это осталось в прошлом, но у судьбы были иные планы. Джина узнала Петру и с первых же дней, с её подначек за Паркер закрепилось прошлое прозвище - четырёхглазая заучка. Девушка боялась, что Том, услышав это обидное прозвище, присоединится к другим, начав над ней насмехаться, но, к её удивлению, он был единственным кто осудил одноклассников. Даже собственную сестру. Мало того, он сделал это всего одним взглядом и словом. Паркер прекрасно помнила его: жесткий, волевой, свирепый... Ему нельзя было противиться, нельзя возражать, он словно смотрел куда-то вглубь, вызывая дрожь и желание подчиниться. А ещё он нелепо смотрелся на лице ученика первого года младшей школы, но девочка признавала, что, несмотря на это, тот оказался очень действенным, под аккомпанемент, будто резонирующего голоса:

— Захлопнулись...

Одно слово и взгляд были подобны выстрелу из крупнокалиберного орудия. Прерывающие шум и гам, заставляя затихнуть и, кажущиеся оглушающими, в наступившей тишине. Тогда он пресёк попытку смеяться на ней, всячески старался её оберегать, отчего у Петры становилось тепло на сердце, а в голове возникала картинка, где большой и матерый лев оберегал маленькую, слабую тигрицу от стаи гиен. Они боялись льва, лаяли издали и тут же затыкались, стоило тому обратить на них своё внимание, после чего убегали, поджав хвост. И Петре это нравилось.

Но подобное не могло длиться вечно. К середине года к ним присоединилась, сначала одна девочка, Триш, а затем и другая - Джессика. Это помимо сестры Тома, которая, как казалось Петре, с первого взгляда её невлюбила. А потом эффект от взгляда мальчика начал постепенно ослабевать... Сначала это выливалось в простые насмешки за спиной, потом они стали громче и язвительнее, а потом, когда они пошли в среднюю школу, так и вовсе перешли невидимые границы. К тому моменту многое уже успело поменяться в жизни Петры. Она выросла, многое узнала об отношениях между мальчиками и девочками и стала замечать, что подолгу зависает, рассматривая фотографии Тома или, то, как он говорит с кем-то. Как ходит вниз и вверх его адамово яблоко, перекачиваясь под кожей. Как переливаются его мышцы, особенно на шее. Его выпирающие ключицы и эту ямочку между ними... Его руки и пальцы. Такие сильные, длинные и гибкие. Профиль его лица со слегка заострённым и плавно изгибающимся выше, к переносице, носом. Его строгие линии губ и голубые глаза, которые, казалось, способны видеть тебя насквозь. А эти взгляды, что Петре изредка удавалось ловить на себе... Они будто проходили по её телу с ног до головы. Сканировали, от чего по коже начинали бегать будоражащие мурашки, даря чувство чего-то запретного, чего-то потаённого.

В один день Петра поняла простую как мир истину.

Она влюбилась в своего друга. Она влюбилась в Тома Харди.

И осознание этого заставляло всё внутри неё трепетать. Хотелось воспарить над землёй от того роя бабочек в животе. Хотелось смущённо опустить глаза, каждый раз, когда она встречалась с ним взглядом, а потом, когда он отвернётся, начать жадно исследовать каждую частичку его тела. Увидеть, запомнить и никогда не забывать. Его запаха, тон голоса, взгляды... Ей хотелось запомнить их все. Хотелось вцепиться в него железной хваткой и не отпускать, навеки поселившись в круге его мягких, но сильных рук, обнимавших и поглаживающих её спинку. Она влюбилась в него, утонув в этом чувстве, словно корабль во время девятибалльного шторма. Она – глупый моряк, а он – её море, поглотившее юную девушку целиком.

Но не все одобрили её чувства. Томпсон... Джина «Сука» Томпсон, чётко соответствовала своему прозвищу, которое ей дали в начале средней школы. Девочка как была глуповатой, так ей и осталась, выделяясь лишь успехами в спорте, за которые её все ещё и держали в школе, а не выкинули, пнув под задницу на улицу. Драчливая, задирающая других, эта девочка положила глаз на Тома. И ладно бы просто положила – таких было едва ли не половина класса, но нет! Она объявила всем, что Том – её и любая, кто попробует ей помешать, познает всю боль своей ошибки. Многие девочки не хотели связываться с ней. Одни откровенно побаивались, другие понимали, что имеют дело с дурой, у которой мышцы вместо мозгов и отступали, а третьи... Из третьих была Петра. Девушка не хотела упускать своё счастье. Не хотела снова быть аутсайдером. Она тоже имеет право на счастливую жизнь! Право любить того, кто ей нравится, и отступать лишь потому, что какая-то... сука, говорит, что Том принадлежит ей?! Положа руку на сердце, Петра чётко понимала, что на такое была не способна. И она, подрагивая перед той, кто с самого детства над ней смеялась и откровенно пугала, сказала те слова:

— Н-нет... Я не отступлю. Я не проиграю. Том будет моим!

Хотелось бы ей, чтобы эти слова впечатлили других, показали, что она, Петра, девушка, с которой нужно считаться, которую нужно уважать... Но всё оказалось совершенно наоборот. Своим заявлением она вызвала лишь гомерический хохот Томпсон и её шайки. Они смеялись, держась за животы, а в их глазах стояли слёзы. Нет, не горечи поражения, как хотелось Петре, а слезы, вызванные приступом истерического смеха.

Её не восприняли всерьёз.

Рассмеялись над её чувствами и желаниями...

Будто она не человек, а букашка. Букашка недостойная любить и чувствовать!

Петра тогда едва сдержала горькие слёзы. Оставалось лишь доказать им, чего она стоит. Она не сдастся. Она добьётся своего! Закончит школу, поступит в Колумбийский, получит

докторскую и станет не Петрой Паркер, но Петрой Харди! Назло и вопреки всем им!

И пусть девочка не смогла до конца влиться в компанию возлюбленного, но у неё оказался неожиданный союзник. Мальчик, переведшийся к ним в начале средней школы. Гарри Озборн предстал перед ней в амплуа балагура, весельчака-красавчика из семьи, которая ничем не уступает, а даже превосходит Харди. Такая личность моментально завоевала сердца девчонок, которые уже давно поняли, что с Томом им ничего не светит – если и не из-за Томпсон, то сам Харди просто не обратит на них внимание. Но Озборн не Том и привлечь его внимание у них шансы ещё были. Так что те немногие, кто ещё надеялся заполучить в свои кривые ручки Тома, отсеялись, переключив внимание на новую цель. Когда же на него переключилась Джина, счастью Петры не было предела. Однако, когда, казалось, что счастье уже так близко, осталось лишь подойти и взять, собрать всю волю и решимость в кулак, подойти и признаться, Томпсон вдруг заявляет, что, помимо Харди, ей принадлежит ещё и Озборн! Нет, Петра понимала, в каком мире они живут – гаремы тут обыденность, хоть и не признаются в открытую, но, чтобы одна женщина была одновременно с несколькими мужчинами... Да такого просто не могло быть! Но поди же ты втолкуй этой дуболомке всю абсурдность ситуации. Она своё слово сказала и за любой косой взгляд в сторону «её парней», начинались тихие издевательства: то тетради выкинут, то учебники из рук выбьют и специально растопчут, сделав вид, что не заметили. Выкинутая форма для занятий по физкультуре, это вообще классика. Благо у Петры было освобождение по состоянию здоровья, так что эта участь её обошла стороной. Но не другие.

С каждым годом издевки Томпсон становились всё изощреннее и изощреннее. А ещё, о них не знали ни Том, ни Гарри и их окружение. Вокруг них, словно воздвигли непроницаемую стену, которая не давала просочиться слухам о терроре со стороны Джинны, за чем рьяно следили её прихлебательницы. Ни единого слова, ни единого действия, пока в обозримой округе кто-то из них. А тех, кто порывался рассказать, жестоко обрывали и проводили «беседу», итогом которой был единственный тезис: «рассказываешь и становишься до конца жизни инвалидом». А зная Томпсон... Угроза действительно могла воплотиться в жизнь. Рассказать учителям, директору или позвонить в полицию? Какой в этом смысл? Да, их накажут, да ты будешь права, но останешься инвалидом. Будешь радоваться, сидя в кресле-каталке, питаясь через вену. Рисковать не хотелось никому.

Вся средняя школа для Петры была похожа на одно сплошное поле боя, где она одна против всех. Враг превосходит её силой и числом, а у неё есть лишь упертость и цель. Издевательства стали привычной рутинной, а новые клички, появляющиеся каждую неделю, она даже перестала стараться запоминать. И вот, когда вчера Гарри пригласил её на свой день рождения, она поняла – это её шанс. Шанс наконец-то собраться с силами и сказать четыре слова, что она несёт уже несколько лет, подобно тяжкому грузу: «Я люблю тебя, Том».

С самого утра она готовилась. Морально и физически. Она прокручивала разные ситуации в голове и строила пути, по которым придёт к нужному ей результату: заветным словам. Храбрилась, прогоняя крамольные мысли из разряда, «а если он откажет», «а если он считает меня лишь другом». Гнала их взашей. Надеялась, что чувства будут приняты, а, в глубине души, желала услышать ответное «Я люблю тебя, Петра. Всегда любил», а потом... Потом он прижмёт её к себе и растопит её губы своими, в жарком поцелуе, от которого её колени будут подгибаться, а ноги дрожать. Она настолько погрузилась в свои фантазии, что не заметила, как пришла домой, сделала уроки, приготовила дяде и тёте ужин и... опоздала. На целый час.

Опомнившись и наскоро приведя себя в порядок, девушка побежала на вечеринку. Из Куинса ей быстрее всего было добраться до Манхэттена на метро, а до него на автобусе. Путь занял целых полчаса, что, с учетом её опоздания, было уже много. Выйдя на станции метро у сорок девятой улицы, ей предстояло преодолеть ещё два квартала до нужного здания и вот, когда до цели оставалось ещё половина пути, её окликнул голос, который она узнает из тысячи:

— Эй, четырёхглазая! — голос принадлежал Томпсон. Девушка выглядела слегка растрёпанной и стоило ей подойти к Петре, как та учуяла резкий запах спиртного. Девушка была пьяна. Пропустив момент, когда её окружили, Петра вздрогнула, разглядев глазах Джини нехороший огонёк, а сердце начало ускорять свой ритм, выбрасывая в кровь адреналин.

— Как же ты меня бесишь... — в голосе капитана сборной по баскетболу звучало неприкрытое раздражение.

— Чего тебе, Джина?

— Ох, а ты я смотрю осмелела. — Томпсон была удивлена, словно перед ней не Петра была, а собачонка, вдруг заговорившая человеческим голосом. — Но знаешь, что? Так даже лучше... — предвкушающе улыбнулась девушка, а затем быстро осмотрелась по сторонам, и кивнула своим подельницам.

Их было трое. Они быстро схватили Петру, закрыв ей рот и, пока округа была пуста, утащили вырывающуюся девушку в подворотню. Одна из них схватила Петру сзади, удерживая под мышки локтями, а две другие схватили её за руки и развели в стороны, таким образом обездвигивая Паркер. Сама же Томпсон вальяжной походкой проследовала за ними, начав свой монолог:

— Знаешь, Паркер, ты меня всегда бесила. — крутанула она запястьем в воздухе, — Всегда такая правильная, умненькая отличница, пример для других, тьфу! — Джина сплюнула себе под ноги. — Раздражает!

— Серая мышь, вот ты кто!

— Томпсон... — попыталась повысить голос Петра, но не успела она продолжить, как Джина резко сблизилась и нанесла ей неожиданный удар в живот.

В первые мгновения у Петры перехватило дыхание, а тело инстинктивно попыталось согнуться, закрывая пострадавшую часть.

— Держите её нормально! — прикрикнула «Сука» своим подельницам.

В глазах у Паркер сами собой скопились капельки слёз, начавшие застилать ей взор, пока девушка судорожно пыталась сделать вдох. Волосы и кожу головы пронзила боль, в тот момент,

когда Томпсон грубо схватила её, покрепче ухватившись и приподняв голову так, чтобы видеть лицо своей жертвы.

— Ты - насекомое, грязь, недостойная дышать одним воздухом с нами. — щеку обожгла хлёткая пощечина, — Но, почему-то именно на тебя они смотрят, — ещё одна, — Тебя взяли в свой «круг», — и ещё, — Почему? — рука до этого хлеставшая её по щекам, больно сомкнулась на щеках, сжав те, заставляя смотреть на свою обидчицу, — Почему... Я спрашиваю, почему?!

— Кха... Сука. — это была ошибка. Взревев, Томпсон нанесла удар в живот ногой, больше похожий на лягание лошади.

— Эй, полегче! — удерживающая Петру сзади Дэвис, едва не повалилась от того удара, утягивая за собой других, но в самый последний момент смогла удержаться.

— Заткнись! — перевела она бешеный взгляд на свою «шестёрку», после чего вновь вернулась к Паркер. — Я предупреждала. Не лезь к ним, они - мои. — Томпсон цедила каждое слово словно яд. — Я говорила, что сделаю с теми, кто меня не слушает! Но ты же у нас, блядь, особенная! — взмахнула она руками, — Ты же у нас неприкасаемая! Под защитой Харди, вот только знаешь, что? — яда в её голосе могло хватить на целого слона, — Фелиция, сестрёнка твоего ненаглядного, прекрасно знала о всех наших с тобой... шутках, да, назовём это так. И одобряла. Нет, — девушка замотала головой под ошарашенным взглядом Паркер, — Не столько знала, сколько догадывалась, но это даже хуже! А знаешь почему? Потому что ей плевать! Всем плевать на тебя, мышь. Но ты, с упертостью питбуля, возомнила, что такая как ты сможет добиться его. Его!

Ещё одна пощёчина оставила свой след на щеке Петры, но эта отличалась от других. Она была... Снисходительная, что ли? Она должна была показать всю разницу между ними, показать всю тщетность её попыток и мечтаний. И, словно вторя ей, звучали слова Томпсон:

— Вы из разных миров. Где ты и где он? — а потом, лицо Джины, искажившее в гримасе показной жалости, резко ожесточилось, — И не смотря на всё это... Ты продолжаешь лезть и лезть... — девушка застыла, подбирая аналогию, а потом на её лице появилось озарение, — Как таракан! Мелкая, назойливая... Да, вы тараканы, такие. Но знаешь, что? — на её лице появилась предвкушающая злобная ухмылка, — Тараканов принято давить! И сейчас... Я раздавлю тебя.

Петра сквозь слёзы, боль во всем теле и сбитое дыхание наблюдала как её пленительницы, потакая приказам Джины, ещё крепче сомкнули свои хватки, гася любые попытки вырваться, а Дэвис закрыла ей рот рукой, отчего получалось только мычать и чувствовать, как жгучие слёзы стекают по щекам, под аккомпанемент полного бессилия. Она не могла вырваться. Силы были не на её стороне. Кричать не получалось - изо рта вырывалось лишь приглушённое рукой мычание.

Время будто замедлило свой ход, растягивая ужас от осознания того, что сейчас случится. Вот Джина с предвкушающим выражением на лице подняла ногу, согнув ту в колене, нацелив

его уже на её колено. Петра была не глупой и понимала, что при таком ударе она, в лучшем случае потратит пол жизни на восстановление, а в худшем – на всю оставшуюся будет калекой. Она с ужасом наблюдала как нога Томпсон начала опускаться. Сантиметр за сантиметром, а сердце покрываться коркой льда. Все её мечты и желания... Им не сбыться. Томпсон права, они с Томом из разных миров. Было глупо надеяться на то, что они смогут быть вместе. Это в книгах всё заканчивается счастливым концом... У её же истории такого не будет. Никогда.

Когда нога Томпсон уже практически опустилась, всё резко завертелось. Вдруг раздался звук, словно что-то громко хлопнуло, заставив глаза Петры инстинктивно зажмуриться, готовясь к боли. Но её не было. Вместо боли послышался ещё один, но уже глухой хлопок. Петра распахнула глаза. Каково же было её удивление, когда вместо Джинны она увидела Тома. Весь мокрый, в капельках мелкого пота, покрывающего его тело, с растрёпанной прической, его лицо было искривлено в гримасе тихой злости. Желваки играли под тонкой кожей, а кончики губ, обычно застывшие в подобии легкой улыбке, сейчас были направлены в противоположном направлении. Его острый взгляд голубых глаз был направлен вниз. Девушка непроизвольно последовала за ним... А там, у её ног, лежала, согнувшись и опираясь одной рукой о грязный пол подворотни, а другой держась за живот, никто иная, как Джина Томпсон, которая, по всей видимости, сейчас готова была выхаркать свои лёгкие. Петра слушала судорожные хрипы, являвшиеся жалкой попыткой девушки втянуть воздух. Они были ей знакомы, ведь недавно она сама издавала подобные. Но эти... Они были куда хуже. Словно удар был намного, намного сильнее.

Резкий звук испражнения желудка вырвал Петру из состояния транса. Джина начала плевать. Том скривился и носком ботинка оттолкнул девушку, отчего та завалилась набок, не удержав равновесия. Вся красная, измазанная в грязи и задыхающаяся, девушка сейчас представляла из себя жалкое зрелище.

— Ч-что? — раздался голос опомнившейся Дэвис, — Х-харди? — зря, поскольку хищный взгляд парня медленно перешёл к подавшей голос «дичи».

— И-ик! — девушка вскрикнула от взгляда, которым он смотрел на них.

Петра лишь успела моргнуть, как послышался сначала один звучный шлепок, затем другой и третий, а она почувствовала, как тело мотнуло в разные стороны и руки, крепко державшие её до этого, размыкаются. После чего послышались звуки падения трёх тел и жалобные стоны. Она открыла глаза, увидев его. Так близко... То ли от боли, то ли от взгляда, в котором было столько всего, ноги Паркер подкосились, но крепкие руки, вмиг подхватившие её и стиснувшие в своих объятиях не дали упасть. А потом она услышала слова, заставившие плотину её чувств дать трещину:

— Прости... Прости, что так долго.